Аксенов В. 7.1.92

ВАСИЛИЙ АКСЕНОВ: «ХОЧУ ВИДЕТЬ РОССИЮ ЧАСТЬЮ СООБЩЕСТВА ЦИВИЛИЗОВАННЫХ СТРАН»

Независимая газета - 1992 - 7 янв. - с. 8

Игорь Дробышев

— ВАСИЛИЙ Павлович, думали ли вы, уезжая в 1979 году из СССР, что произойдет через ничтожно короткий срок — всего десять лет?

— Никогда не мог даже в самых сладких снах представить, что коммунизм падет, что партия развалится. Если мы на что-то и надеялись, то разве что, когда Брежнев «свалит», возникнет какое-то изменение стиля, что не будет такого дремучего мужицкого лавочного стиля в пропаганде, идеологии, международных отношениях. Что придут более изощренные, интеллектуальные «цекисты» и «гэбисты» из тех, которые еще в 1968 году и в начале 70-х лелеяли мечту о социализме с человеческим лицом. Брежнев был вершиной партийности, дальше началось быстрое падение, и, по мере того как это быстро все происходило, начался эффект «снежного кома».

— С падением коммунизма все ясно. Думали ли вы, что через каких-то десять лет самой страны больше не будет?

— От одного американского историка слышал, что у него есть документ, якобы свидетельствующий, что еще в 1909 году, еще при жизни Столыпина, при дворе было совещание, в котором участвовали высокие лбы государства. Они представили докладную царю, в которой говорится, что, мол, Россия слишком растянулась, и в историческом смысле мы не выдержим, лопнем.

—То есть идея о том, что это искусственное объединение, появилась еще тогда?

— Да, идея о колониальной державе, которая слишком большая, как динозавр. Динозавр уже не мог выдерживать собственных размеров, и только взрывом можно было это сломать. Взрыв смог развернуть энергию народа, ведь русские другими совсем стали, мне-то это видно. Я когда приезжаю, то из самолета вылезаю, как из машины времени. Я вижу, что хуже стало в магазинах, очереди длиннее, чем в 70-х годах. Но лица стали другие. На улицах меньше мрачных лиц.

Вот свобода прессы... Это какое-то русское чудо. Из комментарийной политической тягомотины и жвачки с полным отсутствием новостей она превратилась в настоящую трибуну народа.

Так что я Михаилу Сергеевичу сочувствую, но он стал — всему ведь приходит конец — терять ощущение времени, стал отставать, перестал разбираться, кто — «за» и кто — «против», и не смог в конце концов преодолеть партийных стереотипов, и это его трагедия.

— Только путч смог выбить его из этой обоймы...

— Да, он заигрался с этими путчистами, потому что, конечно, знал, что они готовят, и он им давал возможность думать, что может быть среди них, а потом, когда они пришли и сказали: вот вы же нам дали возможность, он и ощутил, куда это все его завело... Но, между прочим, благодаря тому, что он в себе нашел силы и мужество сказать «нет», было спасено несколько тысяч жизней.

— Я после путча разговаривал с Алкснисом, который сказал, что при должной организации можно было бы выставить еще 50 тысяч человек, которые, защищая путчистов, пошли бы на защитников Белого дома...

— Я был в августе в Крыму и уехал незадолго до путча, и тогда я смотрел по телевизору интервью Алксниса. Никогда не забуду выражение его лица: с какой снисходительностью он смотрел на Фесуненко и другого участника беседы в студии... выглядел как представитель нового режима.

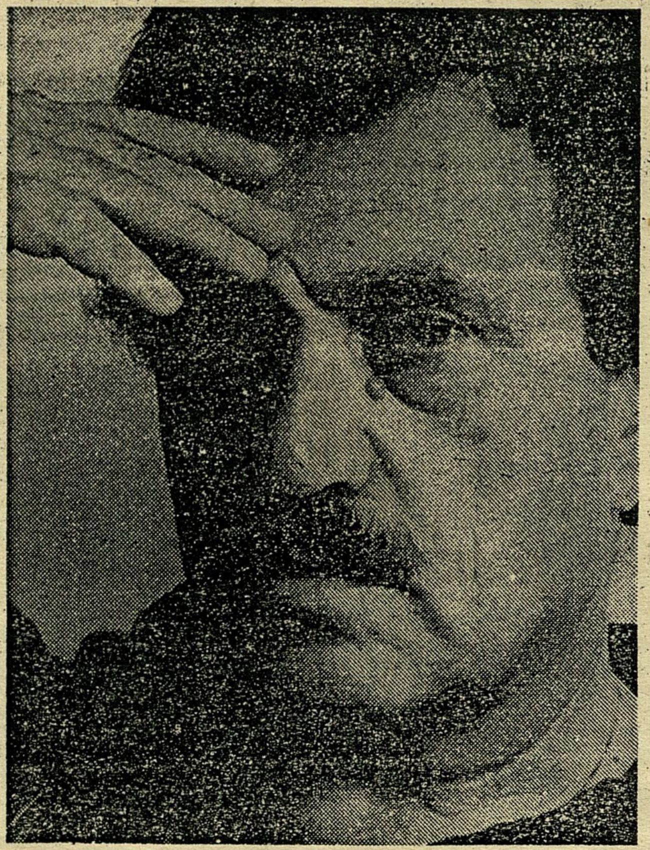

Фото Михаила Лемхина.

— Вы написали «Остров Крым» в 1979 году. Это был просто интересный ход или какая-то особенная мысль, предвидение? После независимости Украины, после того как хоть и незначительное, но большинство населения Крыма проголосовало за нее, ваша идея об отделении Крыма потеряла свою актуальность?

— Ну не скажите, не скажите. С Крымом вопрос, я думаю, не закрыт. Председатель крымского Верховного Совета Багров сказал, что, если Украина не будет себя так противопоставлять России, тогда — все о'кей. В противном случае Крыму не останется ничего другого, и если он проведет референдум, то наверняка он будет в пользу присоединения к России или вообще отделения, там 67 процентов русских, несколько процентов татар. Как, по идее, Украина вообще может претендовать на Крым? Хрущев своим волюнтаристским и хамским, как и все его акции, решением в 1954 году отдал его Украине. Скорее у Турции и Греции есть больше прав претендовать на Крым.

— Значит, вы написали «Остров Крым» в 1979 году, а вернулись в него только в 1991-м. Какие ощущения?

— Мы сначала колоссально разочаровались. Мне показалось, что это такой «край непуганого совка», потому что как стоял огромный памятник на главной площади Ялты напротив почтамта, так он и стоит, и на нем написано что-то вроде «Идеи Ленина бессмертны, потому что вечны» или наоборот...

Жуткие магазины, и что странно меня поразило: очень мало иностранцев. Мне казалось, что в 70-е их было больше. Я-то думал, что в Ялте — открытое море, шаланды из Трапезунда, шлюпки, паромы из Стамбула и т. д. Ничего этого не было. Море пустое, закрытое, как всегда, на весь Крым, по-моему, всего два ресторанчика. Однако какой-то прогресс все же есть. Какая-то торговля... Конечно, мой романный «Остров Крым» — это мечта, метафора, утопия маленькой России, альтернативного пути садомазохизма интеллигенции — как западной, так и русской.

— Давайте вернемся к Горбачеву. Все-таки его отставка — событие мирового значения. Время подводить итоги. В эмиграции к нему отношение разное.

— Безусловно, мне трудно представить, что Горбачев замыслил развалить социализм, выйти на идею свободного рынка и т. д. Но он все время менялся, если бы он все-таки что-то подобное имел в виду, то выскажи он это — хотя бы сотую часть того, что сейчас свободно говорит любой журналист, — то его бы немедленно арестовали и убили бы. Я думаю, что одна из главных ошибок Горбачева в том, что он практически ничего не сделал в экономике. Если сравнить два коммунистических гиганта—Китай и СССР, то Китай пошел по пути экономического развития, заглушив политические свободы и права человека, что ему еще, как говорится, отрыгнется. У нас все наоборот.

— Но в политбюро до 1990 года сидели такие мастодонты, как Щербицкий, Лигачев... Вот так встать и сказать им на очередном заседании: давайте, ребята, постепенно вводить частную собственность?

— Вы знаете, я еще в 70-е слышал такую историю. Однажды на политбюро сам Брежнев сказал: «Товарищи, не слишком ли мы много на себя берем? Не может же политбюро решать все вопросы производства кастрюль, молочных продуктов? Что если подпустить чуть-чуть частной собственности, хотя бы в сервисе?» После этого воцарилось полное молчание, и якобы Полянский сказал: «Тогда все кончено». Они очень боялись, им казалось, что в этом — яйцо Кощеево, что в общем-то верно. Горбачев, конечно, боялся произнести многие вещи. Но после Чернобыля еще можно было постепенно вводить экономические изменения, вообще Чернобыль был, с моей точки зрения, поворотным пунктом, он сыграл гораздо более важную роль, нежели апрельский пленум 1985 года, потому что рухнула самая престижная сфера супердержавы: атомная промышленность. Это можно сравнить, как это ни покажется странным, с Кронштадтским мятежом. «Военный коммунизм» рухнул, когда восстала твердыня революции — то самое, на что они всегда ссылались и чем запугивали рабочих Петрограда, говоря: «Если вы будете продолжать бастовать, придет Кронштадт, придет гвардия революции». Это была такая же утечка радиации, которая повернула страну к нэпу.

— Что же нас ждет в перспективе, когда СССР больше нет, а есть Содружество?

— Думаю, что этот период центробежного стремления и паники — больше психологического порядка, чем экономического, он дойдет до определенной точки, а потом пойдет назад. Видите, как, лихорадит Моссовет. Москва ведь всегда была торговым местом. Это был центр, куда все свозилось, обменивалось. Ее называли русским Чикаго, и там все лопалось от богатства. Я думаю, это придет.

— Интересно взглянуть вашими глазами на отношение к нам и нашим проблемам американцев. Буш и многие другие — за помощь, Бьюкенен — один из кандидатов в президенты — против.

— Это странно, потому что раньше он мне казался широко мыслящим человеком. Взаимозависимость в современном мире невозможно отрицать. Если Россия начала впадать в средневековье и маразм распада, то продукты его могут разнестись по всей цивилизации.

— Кстати, у нас это не все понимают, особенно пожилые люди с недоверием относятся, скажем, к немецкой помощи: почему это они помогают тем, кто их победил в войне? Есть и более авторитетные мнения: мол, нельзя сближаться с Западом, потому что у нас свои интересы, у них — свои. Скажем, на Ближнем Востоке.

— Нам не надо вообще думать о Ближнем Востоке, пора забыть об этом, освободить себя от этих призраков супердержавы номер один. Может быть, мы опять будем империалистической державой — не дай бог! Я хотел бы видеть Россию просвещенной частью европейского сообщества цивилизованных стран, а не опять мировым бандитом с дубиной. Мы ведь можем играть колоссальную роль в науке, экономике, культуре — сколько областей открыто. Но сейчас нам надо забыть о своих интересах на Ближнем Востоке, потому что у нас их там нет. Не думать о голодающих народах Океании, а о голодающих народах Воронежской и Тамбовской областей.

— Как вы относитесь к идее Содружества?

— Идея сама по себе понятна и направлена на избежание югославского варианта. Будет самое последнее дело, если русские и украинцы схватятся.

— Особенно после объявления независимости Украиной...

— Да. И вот, пожалуйста, вариант совершенно свободного объединения: вы делаете свою внешнюю политику, свои вооруженные силы создаете, вы совершенно свободные государства, но есть тысячелетние связи. Нельзя так просто взять и разрушить их. К тому же Россия предлагает далеко не худшие варианты политического, экономического развития. Они пока еще не работают, но в принципе должны обязательно заработать.

— Идея Содружества действительно имеет ряд положительных сторон. Но опять все как-то получилось за нашей спиной.

— Ну что значит «за нашей спиной». Мы не можем все вопросы решать трехсотмиллионной массой, какая-то власть нужна. Мы сами ее выбирали... то есть вы выбирали, но я бы тоже голосовал за Ельцина.

Идея Содружества здоровая, может быть, она не оформлена в протокольном порядке достаточно хорошо... Я сегодня читал материал, в котором Козырев рассказал, как все это произошло. Они же ехали туда, в этот охотничий домик, не зная, будет ли вообще разговор. Выработали все за ночь, работали над текстом, даже какая-то эйфория была, когда поняли, что могут договориться.

— Вы — американец. Как вы на себе ощущаете спад, о котором здесь много говорят и пишут?

— С работой здесь трудно. Или вот мы хотим продать наш дом, а это сейчас невозможно. Но ведь у них, американцев, так все время: подъемы, спады. Потом многие понимают, что от их активности тоже многое зависит. Надо покупать, надо что-то покупать. Вот Рождество наступает, тоже надо покупать. Я тоже решил завтра пойти и купить факс, помочь экономике, хотя он не так уж мне нужен.

Как у Ильфа и Петрова: «Тщательно пережевывая пищу, ты помогаешь обществу»?

Ассоциация брокерских фирм

«Альянс-ТМБ»

Ваш надежный партнер на РТСБ и других ведущих биржах страны.
Коммерческие операции любого вида, включая фондовые.
Консультации и помощь во внешнеэкономической деятельности.
Сертификация и тестирование товаров.

УЗНАЙТЕ ПОДРОБНОСТИ ПРЯМО СЕЙЧАС!

Москва, тел. 222-20-96, 222-13-06, FAX (095) 231-11-15